

Евгений Карнович

Покинутый замок

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Карнович

Покинутый замок

«Public Domain»

1873

Карнович Е. П.

Покинутый замок / Е. П. Карнович — «Public Domain»,
1873 — (Очерки и рассказы из старинного быта Польши)

ISBN 978-5-457-12330-4

«Среди шумного веселья воевода становился вдруг печален и сумрачен, часто он что-то шептал, крутя в тяжёлом раздумье свой седой ус. Молиться он стал ещё усерднее, а каждую среду, пятницу и субботу лежал по несколько часов крестом на полу посреди своей каплицы. Говорили также, что он назначил несколько тысяч дукатов на постройку обширного монастыря... недалеко от другого своего замка, называвшегося Ильговым. Странное дело вышло в этом замке: из него вдруг, по приказанию воеводы, выехала вся прислуга, а между тем в этот замок стал ездить иногда он сам в сопровождении своего духовника и самого доверенного при нём человека – старика управляющего...»

ISBN 978-5-457-12330-4

© Карнович Е. П., 1873

© Public Domain, 1873

Евгений Петрович Карнович

Покинутый замок

В Придольском замке делались большие приготовления к свадьбе Яцека с Вандою. Свадьба была назначена на весну. Весело и широко жил теперь пан-воевода, гости у него были безвыездно. Пиршества не прекращались. Но среди шумного веселья воевода становился вдруг печален и сумрачен, часто он что-то шептал, крутя в тяжёлом раздумье свой седой ус. Молиться он стал ещё усерднее, а каждую среду, пятницу и субботу лежал по несколько часов крестом на полу посреди своей каплицы. Домашние и знакомые думали, что воевода оплакивает под старость грехи и заблуждения своей молодости, как это очень часто делали его современники. Ходил даже в околотке слух, будто бы воевода, отпраздновав свадьбу Илинича и передав ему всё своё имение, намерен уйти на покаяние в монастырь. Говорили также, что он назначил несколько тысяч дукатов на постройку обширного монастыря во имя св. Андрея, своего патрона, и добавляли даже, что он будто бы выбрал уже место для этой постройки в глуши придольских лесов, недалеко от другого своего замка, называвшегося Ильговым.

Странное дело вышло в этом замке: из него вдруг, по приказанию воеводы, выехала вся прислуга, а между тем в этот замок стал ездить иногда он сам в сопровождении своего духовника и самого доверенного при нём человека – старика управляющего.

Всех чрезвычайно занимала эта таинственность, но никто однако не решался спросить воеводу о причинах его печали и его поездок в покинутый замок. Разведывать же об этом стороною было и неудобно, и бесполезно, так как никто не мог сказать ничего определённого. Вскоре распространилась молва, что в родовом замке воеводы поселилась нечистая сила. Рассказывали, что в глухую полночь окна замка горели иногда таким ярким светом, как будто там шли какие-то пиры, и что в это время на далёкое расстояние неслись из замка шум, стук, крик, хлопанье в ладоши и какой-то нечеловеческий хохот, которому злобно вторили в чаще леса. Говорили также, что в замке являлись разные недобрые предзнаменования и что между прочим, в одной из его зал, нашли пустой новый гроб, приходившийся как раз по росту воеводы, и что на дощечке, привешенной к гробу, было написано: гроб назначается для раба Божия Андрея.

В ту отдалённую от нас пору, суеверие и предрассудки были ещё в силе во всей Европе, и потому нет ничего удивительного, что подобные явления впечатлительно действовали на воеводу, который хотя и был бесстрашен в виду всевозможных опасностей и даже явной смерти на поле битвы, но за всем тем крепко побаивался дьявольской силы и разных бесовских наваждений. Воевода заметно осунулся. Часто, отчитав молитвы и Спасителю, и Богородице, и первенствующим святым, а также прославословив не раз Святого Духа, старик начинал мысленно перебирать в подробностях свою жизнь и заботливо отыскивать в ней следы прегрешений.

Конечно, и у воеводы, как и у каждого доброго христианина, находились кое-какие грехи. Не говоря уже о некоторых грешках, свойственных вообще шаловливой юности, оказывалось, что воевода раза два дерзнул усомниться в правосудии и благодати Божией, что он однажды посмеялся над тучным монахом, что он как-то неохотно оказал помощь ближнему, что увидев в костёле образ какой-то великомученицы, он нашёл, что лик её похож на личико одной прехорошенькой пани, на которую не без биения сердца заглядывался молодой в ту пору Ильговский. Припоминая свои старые грехи, воевода находил однако, что все они давно уже искуплены или чистосердечным покаянием, или милостынею, или щедрым вкладом в монастырскую и церковную казну, или учащённым чтением молитв и канонов, или выкупом христиан из басурманского плена. Заботливый воевода не упускал при этом из

виду и того ещё обстоятельства, что слишком важные грехи, особенно по части телесного вождения, были искуплены его спиною и боками под ударами ремённой плети, которую в то время бичевали себя истинно кающиеся грешники... Короче, при самом строгом расчёте с совестью, воевода, по крайнему своему разумению и по рассуждению его духовного отца, не находил в своей жизни ни одного столь важного прегрешения, которое вызывало бы на него кару Божию с такими страшными предзнаменованиями, какие стали теперь являться в Ильгове.

Не чувствуя собственно за самим собою чрезвычайной вины пред Господом, набожный воевода обращался в деяния своих предков и полагал, что он, как последний в роду, должен был, по всей вероятности, искупить какие-нибудь тяжкие грехи прародителей. Надобно сказать, что между разными поверьями у польской шляхты было сознание, что если родо-витый шляхтич пользовался особым почётом и выгодами за доблестные деяния предков, то он вместе с этим не должен был забывать и того, что иногда за самые отдалённые грехи его прародителей он, без собственной вины, мог быть наказан десницею Божиею.

Воевода тщательно перебирал все фамильные предания, и в крайней своей скорби находил, что в длинном ряду предков были и такие, которые своим жестокосердием действительно могли накликать кару Господню на последнего представителя их имени.

Пан Ильговский тосковал и молился, а между тем приготовления к свадьбе его наследника шли своим чередом.

Молва о ночных ужасах, происходивших в Ильгове, увеличивалась всё более и более, и наконец с достоверностью стали рассказывать, что там дело дошло уже до того, что, как-то в полночь, одного старого слугу воеводы, решившегося переночевать в конюшне, схватили страшные черти, подняли на вилы и затащили в лесную глушь, где и посадили чуть ли не на самую верхушку огромной сосны.

Настал Духов день; в этот праздник ведётся в Польше, как и у нас русских, обычай ставить около жилищ молоденькие берёзки. В ту пору, о которой идёт речь в нашем рассказе, этот обычай соблюдался весьма строго, и потому в Духов день, как в богатых замках, так и в убогих лачугах все пороги и стены были обставлены молодыми берёзками, а ветки их висели на потолках; полы всюду были устланы травой, за иконы были заткнуты пучки душистых растений; рога у коров и баранов были обвиты зеленью, а у коней, шедших в этот день в упряжке, были вплетены в гриву цветы и зелень. Всё казалось садом или лесом, так что поляки не даром называют этот день "Зелёным праздником".

Весь Придольский замок был покрыт снаружи свежеею зеленью, а комнаты замка были наполнены запахом душистых трав. Сюда съехалось к этому дню множество гостей; всё было шумно и весело; но не так выглядел в этот день другой, покинутый всеми замок воеводы. Он стоял пуст и мрачен, яркая весенняя зелень не украшала его стен и башен; замок смотрел вовсе не празднично, а окружавший его сосновый дремучий бор придавал этой почернелой громаде какой-то особенный, печальный вид.

Гости, смотря на воеводу, старавшегося как будто насильно быть весёлым, перешёптывались втихомолку о том, что делалось в Ильгове, и по временам вполголоса толковали между собою о конфедерации, составлявшейся в то время против короля. Некоторые из гостей уверяли, что главным местом сбора для конфедератов были назначены леса, окружавшие Ильговский замок, и заявляли догадку, что по всей вероятности воевода ездит теперь туда по этому делу. Все желали знать, действительно ли пристанет в противникам короля такой богатый и знатный магнат, каким был Ильговский, но так как на первых порах конфедерация составлялась втайне, то никто не решался заговорить об этом с воеводой, а между тем его задумчивый и беспокойный вид ясно показывал, что воевода слишком озабочен какою-то думою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.